

Текст 1

СИГНАЛ ИЗ ПРОВИНЦИИ (В. Сорокин, «Норма»)

На столе Симоненко зазвонил один из трёх телефонов.

Судя по длинным назойливым звонкам, вызывала междугородняя.

Симоненко поднял трубку:

— Восемьдесят девятый слушает.

— Товарищ полковник?

— Да.

— Здравия желаю, товарищ полковник, это капитан Дубцов говорит из Днепропетровска.

— Слушаю вас.

— Товарищ полковник, тут у нас... в общем, я вам доложить хотел... да вот не знаю, с чего начать...

— Начните с начала, капитан.

— В общем, товарищ полковник, у нас вдоль маленьких домиков белых акация душно цветёт. И здесь недалеко, полчаса от Днепропетровска, село Жупаница, одна хорошая девочка Лида на улице Южной живёт.

— Так. Ну и что?

— Её золотые косицы, товарищ полковник, затянуты, будто жгуты. А по платью, по синему ситцу, как в поле, мелькают цветы.

— Так.

— Вот. Ну вообще, представьте, неловко, что рыжий пройдоха Апрель бесшумной пылью засыпал ей утром постель.

— Это кто?

— Да еврей один, спекулянт, гнусная личность. Но дело не в нём. Я думаю, товарищ полковник, не зря с одобрением весёлым соседи глядят из окна, когда на занятия в школу с портфелем проходит она. В оконном стекле отражаясь, товарищ полковник, по миру идёт, не спеша, хорошая девочка Лида...

— Да чем же она хороша? — прижав трубку плечом к уху, полковник закрыл лежащее перед ним дело, стал завязывать тесёмки.

— Так вот, спросите об этом мальчишку, что в доме напротив живёт. Он с именем этим ложится, он с именем этим встаёт! Недаром ведь на каменных плитах, где милый ботинок ступал, «Хорошая девочка Лида!» с отчаянья он написал!

— Ну, а почему вы нам звоните, капитан? Что, сами не можете допросить? У вас ведь своё начальство есть. Доложите Земишеву.

— Так в том-то и дело, товарищ полковник, что докладывал я! Два раза. А он как-то не прореагировал. Может занят... может что...

— Ну, а почему именно мне? Ведь вас Пузырёв курирует.

— Но вы ведь работали у нас, товарищ полковник, места знаете...

— Знаю-то знаю, но что из этого? Да и вообще, ну написал этот парень, ну и что?

— Так, товарищ полковник, не может людей не растрогать мальчишки упрямого пыл!

— Да бросьте вы. Так, капитан, Пушкин влюблялся, должно быть, так Гейне, наверно, любил.

— Но, товарищ полковник, он ведь вырастет, станет известным!

— Ну и покинет, в конечном счёте, пенаты свои...

— Но окажется улица тесной для этой огромной любви! Ведь преграды влюблённому нету, смущенье и робость — враньё! На всех перекрёстках планеты напишет он имя её. Вот ведь в чём дело!

Полковник задумался, потёр густо поросшую бровь.

Капитан тоже замолчал.

В трубке слабо шуршало, и изредка оживали короткие потрескивания.

Прошла минута.

— Говорите? — зазвенел близкий голос телефонистки.

— Да, да, говорим, — заворочался Симоненко.

— Говорим, говорим, — отозвался Дубцов. — Ну так, что ж делать, Сергей Алексаныч?

Симоненко вздохнул:

— Слушай, капитан... ну и пусть, в конце концов, он пишет.

— Как так?

— Да вот так. Пусть пишет. На полюсе Южном — огнями. Пшеницей — в кубанских степях. А на русских полянах — цветами. И пеной морской — на морях.

— Но ведь, товарищ полковник, так он и в небо залезет ночное, все пальцы себе обожжёт...

— Правильно. И вскоре над тихой землёю созвездие Лиды взойдёт. И пусть будут ночами светиться над нами не год и не два на синих небесных страницах красивые эти слова.

Понятно?

— Понятно, товарищ полковник.

— А спекулянта этого, как его...

— Апрель, Семён Израилевич.

— Вот, Апреля этого передайте милиции, пусть она им занимается. Плодить спекулянтов не надо.

— Хорошо, товарищ полковник.

— А Земишеву привет от меня.

— Обязательно передам, товарищ полковник.

— Ну, будь здоров.

— Всего доброго, товарищ полковник.